

Десять дней назад

Обнаружив письмо, оставленное Шэнь Чжичуем, Юань Чэ пришёл в ярость. Его бесило, что этот человек снова молча ушёл, не проронив ни слова.

Вот только выплеснуть гнев было не на кого — повода не находилось.

Шэнь Чжичуем устроил всё наилучшим образом, шаг за шагом ведя их союз к завершению. По какому праву, в каком качестве Юань Чэ мог его удерживать? Как правитель своего слугу? Но Шэнь Чжичуем не был его подданным — по крайней мере, сейчас.

А всё прочее... прочее было и вовсе призрачным, зыбким, не имеющим веса.

Юань Чэ в сердцах скомкал бумагу в кулак, но почти сразу бережно расправил её, разгладил пальцами каждую складочку, аккуратно сложил и спрятал у груди, за пазуху. Он поднял глаза на окно: за ним расстилалось царство Ли, постепенно набиравшее силу. Здесь повсюду чувствовались плоды трудов Шэнь Чжичуя, его пролитая кровь и пот.

Предать эти усилия Юань Чэ не имел права.

Для воинов Гуйжун это обернулось сущим кошмаром. Ещё утром их правитель казался вполне благодушным, а уже после полудня вновь превратился в сурового, не знающего пощады воителя. Сам ведя войско за собой, он заставил всех бегать вокруг столицы на три круга больше обычного, сутками напролёт гоня солдат на учениях и муштруя местных жителей. Всё войско взвыло от изнеможения.

Так продолжалось шесть дней.

Ранним утром шестого дня у ворот подворья объявился Чжото. Сжимая в руках три аптекарских пузырька, он воровато озирался по сторонам, вытягивая шею то влево, то вправо. Заметив Юань Чэ, лекарь в несколько шагов подлетел к нему и с тревогой в голосе прошептал:

— Ваше Величество, это новое снадобье, что я приготовил. Оно действует куда мягче прежнего. Вот только... как передать его господину канцлеру?

Юань Чэ, всё ещё державший в руках тяжёлую саблю, замер.

«Вот он, повод!»

К тому времени «Свод законов Ли» уже всю внедрялся в жизнь вассального царства, наводя порядок среди всех сословий. Суровые, но справедливые правила начали действовать, и за эти шесть дней Юань Чэ понял: теперь нет нужды нянчиться с Ли и неусыпно следить за каждым

шагом её жителей. Он забрал пузырьки, отобрал десяток всадников из Армии Гуйжун и, прихватив Чжото, той же ночью пустился в обратный путь.

Когда впереди ждёт тот, к кому рвётся душа, дорога кажется короче. Юань Чэ мчался почти без сна и отдыха, преодолев весь путь до столицы за трое суток. У городских ворот он оказался глубокой ночью — и даже издали успел заметить, как Вэнь Цзыюань встречает возвращающегося Шэнь Чжиюя.

Отправив людей в Императорский город, Юань Чэ один проскользнул к резиденции канцлера и привычным движением перемахнул через забор.

Прождав в тёмной пустой комнате около четырёх часов, он наконец дождался того, кого так жаждал увидеть. Шэнь Чжиюй вошёл, не зажигая светильника. Наощупь сбросив верхний халат, он пошатывался от усталости и буквально рухнул на постель.

Юань Чэ, уже сделавший шаг навстречу, замер и тихонько отступил в тень.

Обладая превосходным зрением, позволявшим без труда различать предметы во мраке, Юань Чэ взгляделся в лицо спящего. Дыхание Шэнь Чжиюя постепенно выравнилось. Мысленно вздохнув, император решил не тревожить его и прийти в другой раз. Однако стоило ему развернуться к окну, как позади раздался глухой стук.

Юань Чэ мгновенно оглянулся. Шэнь Чжиюй очнулся и поднялся, явно пытаясь что-то отыскать в темноте. Оступившись, он едва не снёс стоящую посреди комнаты скамью, но Юань Чэ в долю секунды оказался рядом и подхватил его, позволяя опереться на себя.

Пальцы канцлера были ледяными и влажными от пота.

В тот самый миг, когда Шэнь Чжиюй вцепился в его плечо, Юань Чэ понял: дело плохо. Он быстро достал огниво и зажёл свечу. Слабое пламя выхватило из темноты измождённое лицо, на котором даже тёплый отсвет не мог разогнать мертвенную бледность.

Сердце Юань Чэ болезненно сжалось. Он перехватил руку канцлера, прижимая пальцы к запястью:

— Как давно у тебя эти приступы?!

Глубокая ночь окутала резиденцию безмолвием, в комнате было слышно каждое прерывистое дыхание. Прошло немало времени, прежде чем Шэнь Чжиюй, чей разум туманился от муки, расслышал гневный вопрос. В его глазах промелькнула тень. Уклоняясь от ответа, он глухо спросил совершенно о другом:

— Вэнь Цзыюань говорил, что в столице сейчас небезопасно... Ты вернулся один?

—... Что? — Юань Чэ растерялся от такой нелогичной смены темы, но честно ответил: — Нет, со мной люди. Я отправил их в Императорский город.

— Вот и славно, — прошептал Шэнь Чжияй. Но в следующее мгновение новый спазм пронзил всё его тело, заставив судорожно втянуть сквозь зубы воздух.

— Перестань... отдай мне снадобье, — выдавил он.

Юань Чэ застыл, осознав: даже корчась от невыносимой муки, Шэнь Чжияй умудрялся беспокоиться о его безопасности. В душе императора смешались противоречивые чувства: нежность и радость от того, что о нём заботятся, боролись с яростью из-за наплевательского отношения канцлера к собственному здоровью.

— Какое ещё снадобье?! — вспыхнул Юань Чэ, встряхивая почти пустой пузырёк. — Я же предупреждал: эти капли лишь притупляют боль на время, они не лечат! Если становится плохо, нужно немедленно лечь и отдохнуть! Как ты мог пить его в таких количествах? Ты что, решил вместо риса его глотать?!

Шэнь Чжияй медленно поднял на него измученный взор и едва слышно прошептал:

— Сколько же от тебя шума...

Юань Чэ подавился невысказанными словами.

Шэнь Чжияй не хотелось спорить. Кое-как развернувшись, он потащил непослушное тело обратно к постели и с головой залез под одеяло, всем своим видом показывая: «Развлекайся сам, Ваше Величество».

Юань Чэ лишь молча вздохнул.

Поставив на столик принесённый Чжото флакон, он зажёл стоявшую рядом свечу. Гнев его остыл. Он понимал, что сам разворчался не к месту — ведь Шэнь Чжияй принимал капли только от безысходности, спасаясь от диких спазмов. И всё же смотреть на эти мучения было невыносимо.

Император с силой потёр лицо ладонями, пытаясь убрать с него хмурое выражение, и опустил на корточки у изголовья кровати. Он достал из-за пазухи другой пузырёк, согретый теплом собственного тела.

— Это новое средство от Чжото. Я привёз его специально для тебя. Оно снимает боль не так быстро, зато действует мягче и помогает бороться с ядом в твоей крови. Прими его, хорошо?

Спустя долгие мгновения из-под одеяла донеслось глухое шуршание — канцлер едва заметно кивнул. Юань Чэ облегчённо улыбнулся.

— Пить хочется, — добавил тихий голос.

— Сейчас. Я принесу воды.

Юань Чэ бесшумно выскользнул из комнаты. В доме воцарилась тишина. Шэнь Чжуй изнемогал от усталости, но сон не шёл. Разум словно отделился от тела, паря в полузабытии — то устремляясь ввысь, то проваливаясь в бездну. Мысли путались, сменяя друг друга чередой ярких вспышек.

Сначала перед глазами встал кузен. Вспоминались рассказанные им небылицы о призрачной деве, уносящей чужие жизни по ночам. Вэнь Цзыюань верил в них как дитя, трясся от страха, даже разговаривая из-за ширмы, но упрямо лез в самую гущу событий.

«Мальчишка... Когда же ты наконец повзрослеешь?»

Затем вспомнились сегодняшние ученики из бедных семей. Вопросы, которые он им задавал, были нарочито туманными, почти лишёнными практического смысла. Но в этом и крылась его истинная цель — отыскать среди них того, кто заметит скрытую нелепицу, не побоится вернуться и прямо указать на ошибку.

«Лишь таких людей и стоит приближать к себе»

И, наконец, Юань Чэ. Этот безумец снова проделал огромный путь ради него.

«Он — великий правитель, рождённый вершить судьбы поднебесной, расширять её границы и строить новую империю. Я не должен становиться бременем на его пути. Но как быть дальше?..»

Из забытья его вырвали сильные, тёплые руки. Они бережно приподняли его за плечи, и к губам прикоснулась чаша с водой приятной температуры. С трудом проглотив первую каплю разбавленного снадобья, Шэнь Чжуй поморщился от невыносимой горечи и попытался отвернуться.

— Нужно выпить всё, — мягко, но настойчиво уговаривал его Юань Чэ. — У тебя сильный жар.

Канцлер упрямо мотнул едва державшейся головой. В эту минуту в нём проснулось детское упрямство, дремавшее глубоко внутри, — сейчас он совсем не походил на грозного, всесильного канцлера, державного правителя, державшего в руках бразды правления государством.

Не в силах спорить с больным, Юань Чэ набрался терпения. Ему потребовалось немало времени, чтобы капля за каплей скормить Шэнь Чжиюю всё лекарство.

Сам взмокнув от напряжения, император заметил, что шёлковое нижнее платье канцлера насквозь пропиталось холодным потом. Если оставить его так, к утру лихорадка только усилится.

— Шэнь Чжиюй, — негромко позвал он, — где твоё сухое бельё?

Ответа не последовало. Вздохнув, Юань Чэ засучил рукава и, полагаясь на память о прошлой жизни, сам отыскал нужный сундук.

Шэнь Чжиюй позволял делать с собой всё что угодно. Он послушно, словно ребёнок, поднимал руки, когда его переодевали, и не выказывал ни капли сопротивления. Лишь когда Юань Чэ попытался уложить его обратно на подушки, канцлер недовольно нахмурился. Бросив взгляд на пустую чашу, император сообразил: из-за обилия выпитой воды лежать на спине сейчас было неприятно.

Немного подумав, Юань Чэ снял сапоги, забрался на постель и, устроившись у изголовья, бережно притянул Шэнь Чжиюя к себе, позволяя ему опереться спиной на свою грудь.

Юань Чэ уже собирался задремать в этом полусидячем положении, когда Шэнь Чжиюй едва слышно прошептал несколько слов. Это был тихий, мимолётный вздох спящего, но чуткий слух императора уловил его отчётливо.

Канцлер пробормотал:

— Не будь... так добр ко мне.

Сон Юань Чэ как рукой сняло.

С его места лицо Шэнь Чжиюя было наполовину скрыто рассыпавшимися чёрными прядями. Тонкие, благородные черты, яркая родинка цвета киновари у внешнего уголка глаза и белоснежные одежды, пахнущие чистой золой, делали его похожим на дикую рыжую лисицу, затаившуюся среди снегов.

«Почему он считает, что я к нему добр? И почему просит не быть таким?»

Сердце Юань Чэ затопила горькая тоска. В этих словах крылось слишком многое.

«Неужели Шэнь Чжиюй действительно стал моим злейшим врагом лишь ради защиты Ли Хая? Сколько ещё тайн он хранит в глубине своей израненной души?»

Император склонил голову, мягко прижавшись щекой к его макушке.

— Вовсе нет... — прошептал он в темноту. — Я слишком мало... слишком мало сделал для тебя.

\*\*\*

Утром Шэнь Чжиюя разбудили негромкие голоса во дворе. За окном стоял Юань Чэ, а перед ним, низко склонив голову, о чём-то вполголоса докладывал Уянь.

Канцлер смутно помнил ночной визит императора, а потому его появление не вызвало удивления. Поднявшись с постели, он почувствовал, что слабость отступила. Накинув на плечи верхнее платье, он вышел на крыльцо. Заметив его, Юань Чэ жестом приказал Уяню замолчать, и тот послушно отступил назад.

Император подошёл и коснулся ладонью лба Шэнь Чжиюя — жар спал. Тем не менее, он вернулся на кухню и вынес оттуда чашу с дымящимся тёмным отваром.

Шэнь Чжиюй невольно поморщился. Мало кто любит пить горькое чёрное зелье, однако на сей раз он не стал капризничать, как ночью. Перехватив чашу, он единым духом осушил её до дна.

Слабость и уязвимость, проявившиеся во мраке ночи, вновь были надёжно заперты в самых глубоких закоулках его души.

Вернув пустую чашу, Шэнь Чжиюй внимательно огляделся вокруг и, уловив повисшее в воздухе напряжение, спросил:

— Что случилось?

— Ничего, господин канцлер! Совсем ничего! — поспешно выдавил натянутую улыбку Уянь.

Эта неуклюжая попытка скрыть правду лишь подтвердила худшие опасения. Шэнь Чжиюй прищурился, и Уянь тут же испуганно вжал голову в плечи.

В усадьбе сегодня царило пугающее безмолвие. Обычно в это время слуги всюду суетились, а Вэй Си и Ин-эр успевали несколько раз повздорить.

— Где Вэй Си и Ин-эр? — Шэнь Чжиюй оглядел пустой двор. — Они что, не возвращались ночью?

Уянь мгновенно побледнел.

— Где они? — повторил вопрос канцлер.

От его ледяного, пронизывающего тона по спине воина пробежал озноб. Уянь опустил голову. Как верный гвардеец Гуйжун, он не смел проронить ни слова без прямого приказа своего повелителя.

Юань Чэ на мгновение прикрыл глаза, а когда открыл их, тихо произнёс:

— Говори. Рано или поздно он всё равно узнает.

Уянь тут же рухнул на колени перед канцлером:

— Господин канцлер! Сегодня на рассвете у крепостного рва... мои люди обнаружили тело вашей служанки. В её руках была зажата одежда Вэй Си.

\*\*\*

У крепостного рва собралась толпа зевак.

— Совсем ещё дитя... Какая жалость, — шептались в толпе.

— А вдруг её погубил тот же злой дух, что прибрал к рукам почтенных чиновников? Ну, этот... призрачный жених?

— Глупости! Говорят же, призрак ищет себе невесту. Зачем ему маленькая девчонка? В дочери, что ли, прочит?

— Верно говоришь. Да и раны на её теле больше похожи на следы звериных клыков. Уж не волки ли её загрызли?..

При этих словах зеваки испуганно притихли. Всем в столице было прекрасно известно, кто именно держит при себе свирепых хищников.

— Стража идёт! Поберегись!

Толпа поспешно отхлынула назад, опасаясь навлечь на себя неприятности. Елюй Лу во главе отряда гвардейцев Гуйжун быстро оцепил место происшествия, оттесняя любопытных. Кое-кто из особо наглых горожан попытался было протиснуться вперёд, но, наткнувшись на обнажённые клинки и суровые окрики воинов, поспешил убраться восвояси.

Елюй Лу опустился на одно колено перед телом погибшей. На бледной коже Ин-эр отчётливо

виднелись глубокие следы зубов. Он нахмурился. Командиры Гуйжун держали своих волков в строжайшей узде — звери беспрекословно подчинялись приказам и никогда не нападали на людей самовольно. Не будь этой строгой дисциплины, им бы ни за что не позволили использовать хищников на поле боя.

А если вспомнить, чьей служанкой была эта девочка...

Сомнений не оставалось: их племя пытались нагло подставить.

Елюй Лу поднялся, его ладонь тяжело легла на рукоять сабли. В этот момент один из воинов тихо шепнул ему что-то на ухо. Обернувшись, командир заметил в толпе Юань Чэ, который едва заметным кивком велел следовать за ним в безлюдное место.

— Рассказывай, что удалось выяснить, — потребовал Юань Чэ, пряча руки в широкие рукава.

Елюй Лу не успел даже изумиться тому, как государь так быстро оказался в столице. Склонив голову, он доложил:

— Следы на теле действительно оставлены волчьими клыками. Однако погибла она не от укусов. Смерть наступила от удушения — на шее отчётливо видна багровая полоса от верёвки. Кроме того, мои люди обыскали ров и берег, но тела хозяина одежды так и не нашли.

Это означало, что Вэй Си бесследно исчез. И живым его вряд ли найдут.

Скрыв лицо под бамбуковой шляпой-вэймяо с плотной вуалью, Шэнь Чжияй стоял неподалёку, ловя каждое слово Елюй Лу.

— Я должен взглянуть на неё, — наконец глухо произнёс он.

Елюй Лу поспешно преградил ему дорогу ладонью:

— Господин канцлер, не стоит. — Он на мгновение запнулся. — Девочка мертва уже по меньшей мере три дня, к тому же тело долго пролежало в воде... зрелище не из приятных.

Юань Чэ заметил, как мелко задрожали плечи Шэнь Чжияя. С той самой минуты, как в резиденции заговорили о беде, канцлер хранил пугающее, ледяное спокойствие. Император опасался, что эта сдерживаемая буря разорвёт его изнутри. Но не успел он сделать шаг, чтобы утешить его, как Шэнь Чжияй глухо, но властно произнёс:

— Расследовать.

Он говорил так, словно отдавал приказ на императорском совете:

— Вы и так упустили слишком много времени. Объедините это дело с убийствами тех пяти чиновников. С этого момента у вас есть ровно три дня, чтобы найти виновных.

Услышав о пяти прошлых убийствах, Елюй Лу растерялся:

— Но, господин канцлер, эти дела могут быть никак не связа...

— Елюй Лу, — оборвал его Шэнь Чжияй, смерив ледяным взглядом сквозь колыхающуюся ткань вуали. — Ты командуешь Армией Гуйжун. Твоё дело — ловить убийц, а не рассуждать, один ли человек за всем этим стоит.

С этими словами он поправил вуаль и решительно обошёл командира.

Юань Чэ перехватил его за локоть:

— Не ходи туда. Предоставь всё им.

— Ваше Величество, пусть Ин-эр прослужила мне всего несколько месяцев, — твёрдо произнёс Шэнь Чжияй, — но она моя служанка. С чего бы мне бояться её мёртвого лица? Мой долг — вернуть её домой, найти убийцу и отомстить за её смерть.

В этих словах наконец прорвалась наружу долго сдерживаемая боль. Когда он на миг приподнял край вуали, Юань Чэ увидел, что его белки покраснели от лопнувших сосудов, а взгляд лихорадочно блестел.

\*\*\*

В полдень, во время смены караула, Елюй Лу заскочил в лазарет за целебным снадобьем и поспешил к себе домой.

Распахнув дверь, он прошёл во внутренние покои. На его постели сидел Вэнь Цзыюань. На нём всё ещё был надет вчерашний тёмный дорожный наряд, а плечо стягивала повязка, сквозь которую проступала свежая кровь.

Услышав шаги, Вэнь Цзыюань даже не повернул головы — в это убежище никто, кроме хозяина, войти не мог.

— Сколько ты намерен держать меня под замком? Мне нужно помочь брату, — глухо спросил он.

Ни в его голосе, ни в осанке не осталось и следа той детской наивности и беззаботности, которые он обычно выказывал на людях. Многие при дворе шептались, что у двоюродных братьев мало общего — мол, мягкотелому Вэнь Цзыюаню далеко до суровой непреклонности Шэнь Чжияюя. Однако загляни они сюда сейчас, они бы мигом забрали свои слова назад.

Елюй Лу промолчал. Сжимая в руке склянку с лекарством, он шагнул к кровати.

Вэнь Цзыюань горько усмехнулся:

— Послушай, рану ты мне перевязал, за ту стрелу я зла не держу. Но заставлять меня сидеть здесь...

Договорить он не успел. Елюй Лу рванулся вперёд, стальной хваткой сжал его запястье и прижал руку к изголовью кровати, вынуждая юношу приподняться:

— Маленькая служанка твоего брата, Ин-эр, мертва. Сегодня на рассвете её тело вытащили из крепостного рва.

Вэнь Цзыюань опешил:

— Что?! — Но почти сразу овладел собой и попытался вырваться: — Пусти... Это не моих рук дело. Ты же сам вчера всю ночь глаз с меня не спускал!

— Я знаю, что не ты её убил, — сурово отрезал Елюй Лу. — Но из-за её гибели твой брат приказал расследовать все шесть смертей. Я не смогу его остановить.

Глаза Вэнь Цзыюаня испуганно расширились.

— Ты упорно молчишь, — добавил Елюй Лу, наклоняясь ближе. — Неужели думаешь, что сможешь долго водить брата за нос?

<http://bllate.org/book/20512/2189170>